

Субботное интервью

В ЧЕМ ГЛАВНЫЙ ПРИЗНАК ТАЛАНТА?

ПРИШЛОСЬ подняться на носки, чтобы дотянуться до кнопки звонка. Он оказался как раз вровень с верхним углом двери.

Квартира небольшая, уставленная старинной крупной мебелью. Из-за двери кабинета доносятся отрывки энергичного разговора по телефону.

На стене — большой портрет К. С. Станиславского: «Милой С. Г. Бирман в знак искренней любви...». Я не успела дочитать — в комнату вошла Серафима Германовна.

Присела в большое резное кресло и, откинув прядь пышных белых волос, заговорила громко и напористо. Прямая, сухопарая, в спортивных брюках, она была похожа на легкоатлетку. И сразу стало ясно: несмотря на годы (60 лет на сцене!), этот человек продолжает звать «форте»: она темпераментно говорит, быстро ходит, громко смеется. Она любит жизнь, людей, театр.

В чем главный признак большого таланта? Может быть, в неожиданности, непохожести на всех. Когда не с кем сравнивать. Когда то, что ты делаешь в искусстве, — совсем новое, еще небывалое. Такова Бирман. Наверное, поэтому тот, кто видел ее Вассу Железнову или Ефросинью Старицкую в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный», уже не представляет себе другой Вассы или другой Ефросиньи...

Серафима Германовна — опытный режиссер, педагог, автор книг о труде актера. Именно об этом — о сложной и многотрудной актерской профессии, о том, какие требования предъявляет она к человеку, какие качества для нее необходимы, и идет наш разговор.

— Всякая творческая профессия — дело могучих и терпеливых. Актерскую профессию мне хочется сравнить с делом космонавтов. В пределах этой строгой профессии не свить гнезда дилетантизму. Не попасть туда и немощному волей.

К профессии актера нужно готовиться так же собранно и целеустремленно, как готовятся космонавты к шагам в космосе.

Делом театра должны заниматься люди, к театру предрасположенные, люди с театральным призванием.

Для меня не важна внешность — важны интеллект, творческая интуиция. Актером не может быть скупой сердцем, этически не воспитанный человек. Любовь и вкус к труду — один из показателей угаданного призвания. Нельзя не иметь своих собственных идейных убеждений. Нельзя без своей личной воли, своего взгляда на мир, только под суфлерство драматурга произносить героические монологи. Без гражданственности и патриотизма мы безличны, малодушны, бессильны, мы — крохоборы. Зрители заинтересованы не только нашими сценическими образами, они вглядываются и в нас, в людей и граждан, чем дышит, кто встанет?

Поддельное, лицемерное, равнодушное к действительности не простится нам.

...Все-таки какое изумительно влекущее дело — профессия актера!

Оружие актера — мысли и слова, ими надо уметь пользоваться.

Нет искусства без вдохновения, но нет его и без техники, утверждал Белинский еще тогда, когда пленял москвичей своим вдохновением Мочалов. Но вдохновение — счастливый удел гениев. Его не поймать голыми руками. Путь к вдохновению — система Станиславского. Молодые актеры должны изучать ее. Изучать, а не зазубривать, выбирать родное, необходимое для себя.

Была в моем детстве такая копилка — ее нельзя было открыть, пока не наберется определенная сумма в определенных монетах. Когда набиралась такая сумма, копилка открывалась сама. Актер — это своеобразная копилка деталей, черточек, наблюдений, из которых складывается образ.

Достичь удивительного счастья, слитности с образом, быть вправе произнести «я» от имени своего героя, ради всего этого — труд и терпение, сила воли и неослабное напряжение внимания.

Мне равно противны и неосновательная патетика, и «заземление» нашей профессии. Меня тревожит пренебрежение к мастерству, недооценка внутренней и внешней техники актера.

Меня, учившуюся у Станиславского, поддерживала всю жизнь верность его системе. Я, как и сотни других актеров, многим, почти всем обязана Станиславскому. Он был велик и щедр. И мои знания от него. Но в то же время они — мои. Всю свою творческую жизнь я училась пользоваться тем, что дал Станиславский, преодолевая глубокие заблуждения, ошибки, извлекая из опыта верное и живое.

Мое умение рождалось в слезах, поту и радости сценического труда — поэтому оно мое.

Самая большая вина многих последователей Станиславского — это то, что они заскучили, запылили его учение. А он говорил, что его система — для способных людей, она трамплин для умеющих прыгать. Меня тревожит, что у многих актеров уходит молодость, а они не овладевают мастерством. Подчас бывают небрежны в своей работе. А мы должны быть точны даже в мелочах.

В одном из спектаклей МХАТа, где мы, студийцы, были заняты в массовке, актер Бурджалов играл нищего. Он сидел в рубище. А под рубашку надевал цепи. Зрители этого не видели, делал он это для себя, для точного самочувствия. Актер всегда должен быть максимально требователен к себе.

Даже в массовке актер остается актером, а не «выходящим в толпе».

Величайшей строгости к себе в «высоком месте» — театре требовал от нас, студийцев, Леопольд Антонович Сулержицкий — наш воспитатель. На одном из спектаклей в гримировальную комнату зашел наш студиец. Он не рассказывал анекдотов, не говорил о пустяках — он тихо читал газету. И все же был изгнан Леопольдом Антоновичем из артистической как «посторонний элемент».

Я не зову нынешнюю театральную молодежь во всем подражать нам — тогдашним.

Пусть нынешние молодые свою приверженность искусству выразят по-своему и в новых формах. Но есть такие законы искусства и отношения к труду, которые обязательны для всех.

Мне бы хотелось, чтобы за нами шла смена, на которую мы могли возложить все несвершенные замыслы. Я верю, что так и будет. Радуюсь, что в Театре имени Моссовета, где я работаю, есть честная, одаренная и преданная своей профессии молодежь. Самостоятельный спектакль «Эдит Пиаф» в постановке молодого режиссера Б. Щедрина еще одно тому доказательство.

Впрочем, деление на молодых и старых относительно. Ведь старые молодеют в присутствии молодых, а молодые приобретают умение, мудрость, мастерство от старых. Так что мы хорошо дополняем друг друга...

Н. БАТАЕН.